

Н.В. Халина

Семиологическое послесловие к лингвистическому повороту

Лингвистический поворот в философии XX в. связывается с идеями Ф. де Соссюра, получившими отклик в лингвистической философии Л. Витгенштейна, феноменологии Э. Гуссерля, фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Собственно для языкознания «поворотность» воззрений «великого швейцарца» заключалась в пересмотре им места лингвистики в ряду отраслей человеческого знания, обеспечивающих антропологический эволюционный процесс. Лингвистике как таковой отказывалось в самостоятельности, поскольку система, интерпретацией которой занималась лингвистика, представляет собой прежде всего систему знаков, выражающих идеи, в связи с чем язык должен изучаться наукой, исследующей жизнь знаков внутри общества. «Можно, таким образом, мыслить себе **науку, изучающую жизнь знаков внутри общества**; такая наука явилась бы частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии; мы назвали бы ее **семиологией** (от греч. σμῆμα – «знак»). Она должна открыть нам, в чем заключаются знаки, какими законами они управляются. Поскольку она еще не существует, нельзя сказать, чем она будет; но она имеет право на существование, место ее определено заранее. Лингвистика только часть этой науки; законы, которые откроет семиология, будут применимы к лингвистике, и эта последняя таким образом окажется отнесенной к вполне определенной области в совокупности явлений человеческой жизни.

Точно представить место семиологии – задача психолога, задача лингвиста сводится к выяснению того, что выделяет язык как особую систему в совокупности семиологических явлений. Вопрос этот будет разобран ниже; пока запомним одно: если нам впервые удастся найти место лингвистики среди наук, это только потому, что мы связали ее с семиологией» [1, с. 40].

Итак, лингвистика, согласно позиции Ф. де Соссюра, депендентная исследовательская программа, ориентированная на поиски границ и координат языкового и лингвистического универсумов.

Языковой универсум моделируется прежде всего деятельностью сознания, которое трактуется, в понимании Э. Гуссерля, как «горизонталь-

ное сознание», оно обеспечивает континуальность *Lebenswelt*, или мира жизни [2]. «Мир жизни это сфера непосредственных самоочевидностей. То, что дано нам в качестве самоочевидного, при непосредственном восприятии переживается как «сама вещь», в памяти воспоминается как «сама вещь» и любой другой вид интуиции есть представление самой вещи» [3, с. 127–128]. Посредником между двумя мирами самоочевидностей, двумя сокровенными мирами, согласно рассуждениям Х. Ортеги-и-Гассета, является язык как социальный обычай; его употребление каждым из индивидов иррационально [4].

Употребление языка, или феномены коммуникации, рассматриваемые как построение сообщений на основе конвенциональных кодов, или знаковых систем, в соответствии с концепцией У. Эко [5], изучается семиологией как теорией исследования. Следовательно, правомерно в связи с этим предположить, что необходимо разграничивать теорию исследования употребления языка в качестве знаковой системы, т.е. теорию исследования функций языка-системы в коммуникации, и собственно теорию языка.

Как считает Дж. Катц, теория языка является учением о законах, которые являются неизменными при переходе от одного естественного языка к другому, т.е. это учение о языковых универсалиях. Инварианты в теории языка отражаются в виде моделей языкового описания, каждое из которых должно формально моделировать соответствия между звучанием и значением, тем самым обеспечивать базис языковой коммуникации, осуществимой только тогда, когда говорящие в вербальном взаимодействии устанавливают одни и те же связи между звучанием и значением. Кроме того, необходимо, чтобы в языковом описании «фонетическое и синтаксическое представления предложения, задаваемые, соответственно, фонологическим и синтаксическим компонентами, были формально связаны с семантическим представлением предложения, заданным семантическим компонентом. Модель языкового описания, предлагаемая теорией языка, должна показать, что разные схемы для установления связей, которые обнаруживаются в разных естественных языках, являются

частными случаями общей схемы, одной и той же для всех естественных языков» [6, с. 14].

Таким образом, теория языка определяет общую схему установления связей, осуществляемую естественным языком на основе обобщения в нем в соответствующих языковых моделях эмпирических данных – репрезентантов теории познания, базирующейся на переживаниях. Теория переживания, согласно концепции В. Дильтея, позволяет открыть душевные связи между фактами мира, выявить особенности душевной жизни, которая концентрируется как «связь функций, объединяющая свои составные части, и вместе с тем, в свою очередь, состоящая из отдельных связей особого рода, из которых каждая содержит свои задачи для психологов» [7, с. 61–62]. Подобные рассуждения являются основанием для причисления семиологии, толкуемой в духе Ф. де Соссюра, к числу разделов теории языка, устанавливающей связи между звучанием (речевым потоком), синтаксическим компонентом (синтаксическим сегментированием информационного континуума, осуществляемым сознанием) и семантическим компонентом (семантическим представлением предложения через наборы знаков, изображающих «идею», т.е. то, что подлежит языковой экспликации).

Э. Бенвенист признает, что в языке существуют две разные области, каждая из которых требует для своего изучения отдельного аппарата понятий: «Для области, названной нами семиотической, основу исследования составит теория языкового знака. Семантическую же область следует рассматривать отдельно. Для ее исследования необходим новый аппарат понятий и определений» [8, с. 69]. Э. Бенвенист приходит к выводу, что нужно преодолеть соссюрское понимание языка как принципа языка в его функционировании для познания, что можно сделать, продвигаясь в двух направлениях: интралингвистическом (внутриязыковом) и транслингвистическом (надъязыковым). Интралингвистический анализ нацелен на создание нового измерения означивания, означивания в плане речевого сообщения, которое именуется семантическим. Транслингвистический анализ, построенный на исследовании текстов и художественных произведений, предполагает разработку метасемантики, которая должна надстраиваться над семантикой высказывания. В совокупности заявленные типы анализа будут представлять, по мнению Э. Бенвениста, семиологию «второго поколения», понятия и методы которой будут содействовать развитию других ветвей общей семиологии.

Новое измерение означивания в плане речевого сообщения связано, на наш взгляд, во-пер-

вых, с особенностями речевого потока, в котором происходит генерирование генетической информации; во-вторых, с неизбежностью введения в лингвистический оборот для объяснения языковых метаморфоз особых теоретических конструкций, которые отличают процесс формирования новых общих теоретических концепций широкого плана; к подобным конструкциям следует отнести «топологические структуры».

Генетическая информация – это информация о рефлексах, сохраняемая генетической памятью и фиксирующая наличие феномена самоорганизации «нервная система», основанной на выработке элементарных рефлексов в ответ на внешние воздействия [9]. Речевое сообщение представляется возможным в современных условиях рассматривать как новый (новейший по сравнению с нервной системой) феномен самоорганизации. Это своего рода диссипативная структура, возникающая в процессе самоорганизации живой системы, детерминирующая новый тип нелинейности этой системы и служащая «матрицей», «на базе которой при учете внешних условий произойдет игра случая», и соответствующий выбор окажется в роли генерации новой информации на основе уже имеющейся» [9, с. 231]. Генетическая память в подобном речевом сообщении становится памятью об информации, которая структурируется в виде сложных структур, сформированных на базе относительно простых – высказываний, или, в терминологии Л. Витгенштейна [10], сложных знаков предложений.

Э. Бенвенист, размышляя о семиологической концепции Ф. де Соссюра, заметил, что высказывание, очевидно, вызвало у последнего серьезные затруднения, а потому он отнес его к «речи», что, однако, не помогло решению проблемы: можно ли, и если можно, то каким образом, переходить от знака к речи. «От знака к высказыванию, – заключает Э. Бенвенист, – нет перехода ни путем образования синтагм (syntagmation), ни каким-либо другим. Их разделяет непреходимая грань. Поэтому следует признать, что в языке есть две разные области, каждая из которых для своего изучения требует отдельного аппарата понятий» [8, с. 89].

Предложение, по Л. Витгенштейну, имеет точно такую же структуру, как то, что оно репрезентирует: «Одно имя замещает одну вещь, другое – другую, и они связаны друг с другом; таким образом, целое, подобно живому образу, представляет атомарный факт... в предложении должно быть различимо столь же вещей, сколько их в положении вещей, которое оно представляет» [10, с. 271]. Структура предложения в кон-

тексте рассматриваемой теории отражает способность языка сообщать то, что он репрезентирует (даже тогда, когда воспринимающий содержание сообщения никогда не наблюдал то, что ему репрезентировано); в этом свойстве языка сохраняется существенно важное содержание иероглифического письма, в котором происходит преодоление «одномерного» понимания мира. Иероглиф задает особую размерность линейного пространства, в качестве которой выступают элементы иероглифа, или линейно независимые векторы с позиций афинной (линейной) геометрии [11].

Предложение, в соответствии с размышлениями М. Хайдеггера, есть пропозиция, суждение, посредством которого нечто выставляется в качестве чего-то. В предложении многообразие признаков должно стать упорядоченным, т.е. связным, чтобы предмет мог предстать (иначе, чтобы был создан образ предмета) как событие [12], как пропозициональная связка, которая соединяет время и бытие. Использование термина «событие» означает понимание времени и бытия в качестве вещей, с которыми исследователь имеет дело: содержание этих вещей, положение-вещей есть событие. «Положение-вещей впервые дает бытию и времени из содержащей их взаимопринадлежности сбываться в их собственном существе, а именно через таящееся в уместности и в протяжении просвета событие. Соответственно место, которое имеется в «имеет место событие», «имеет место время» являет себя как событие» [12, с. 403]. Результатом выступает итоговое оформление пространства мира – единственного, по мнению М. Хайдеггера, «действительного места» мира места осуществления действия сил «раскалывания», которые производят постоянное «раскрытие» глубины, неизбежно сталкиваясь с «затворяющей» силой. Ведущую роль, однако, исполняет не параметр «глубины», а параметр «отношения глубины и поверхности», порядок их соотношенности.

Отношение глубины и поверхности значимо при выявлении взаимозависимости пространства и времени, рассмотрение которых со времени Эпштейна и Минковского [13] осуществляется в геометрии объединенно. Объединенная геометрия пространства-времени позволяет положить в основу упорядочения событий форму генетической связи между ними, обнаруживающую себя прежде всего в синхронистичности речевого потока. Синхронистичность К.Г. Юнг определял как устойчивое, повторяющееся появление определенного психического состояния индивида одновременно с некоторым внешним событием, которое осознается как осмыс-

ленная параллель [14]. Дуада «психическое состояние-событие» и есть действительное место мира, в котором определяется порядок соотношенности глубины и поверхности, изображаемый предложением Л. Витгенштейна. Ни одно предложение, согласно позиции этого философа, не может репрезентировать то, что является общим для него и мира, т.е. ту форму, благодаря которой оно является точным образом.

Попытка зафиксировать в положении подобную форму обнаруживается в эргативных конструкциях, своеобразных топологических структурах, разграничивающих реальность физическую и реальность языковую. Причем физическая реальность отождествляется с физическим четырехмерным пространством, в котором три координаты пространственные, четвертая координата – временная; реальность языковая отождествляется с объединенным геометрическим пространством-временем, в котором каждому событию приписываются координаты, т.е. осуществляется арифметизация точек пространства-времени. Реальный способ различения точек пространства-времени может быть основан только на реальных событиях в этих точках (ср. с пониманием предложения Л. Витгенштейном).

Эргативная типология предложения определяется на глубинно-синтаксическом уровне: в ее рамках субъект переходного действия трактуется иначе, чем субъект непереходного действия, а объект переходного действия так же, как субъект непереходного действия [15]. Семантической детерминантой языков эргативного строя следует признать последовательное разграничение субъективного и объективного начал, структурно закрепленное в оппозиции транзитивных и интранзитивных глаголов. Роль семантической доминанты языка велика, подчеркивает Г.А. Климов, поскольку через ее посредство прежде всего осуществляется воздействие мышления на языковую структуру. Принципиально значимым является наличие в процедуре означивания противоположение категории активности и категории переходности, первая из которых является менее грамматичной, но более реальной, поскольку «изображает» отношение человека к миру, состоящие либо в действии, либо в состоянии. А.П. Рифтин намечает схематическую характеристику эргативного строя, обращая внимание на то, что в предложении резко противопоставлены категории субъекта и объекта, не образующие единства [16]. «Это закрепляется в классификации вещей и явлений: в этом строе есть только два грамматических класса – класс субъектов и класс объектов» [16, с. 28–29].

Семантическая доминанта языка эргативного строя является философской основой социального типа отношений, определяемого как «односторонний детерминизм». «Односторонний детерминизм» предполагает акцентирование внимания на физических и символических объектах, порождает стремление к дифференциации, к отделению одного элемента от другого, субъекта от объекта, причины от следствия, т.е. предполагает переход в реальность другого мира, смежного с миром жизни. Границей двух реальностей предстает языковая плоскость, точнее, язык, понимаемый как совокупность арифметизированных точек пространства-времени, или множество реальных лингвистических объектов, своеобразный лингвистический универсум. Подобный подход к языку, обусловленный состоянием современных исследовательских парадигм, требует нового означивания (вспомним замечания Э. Бенвениста, касающиеся необходимости преодоления несоответствий знаковой концепции Ф. де Соссюра). Поиски новых принципов и способов означивания оказались сопряжены для лингвистики с поиском нового «места обитания», направление которого совпало, с одной стороны, с направленностью языковой эволюции по линии: активность → эргативность → номинативность; с другой стороны, с исторической трансформацией состояния языка, сменой семантической детерминанты естественных языков, основанной на четком противопоставлении активного («одушевленного») начала инактивно («неодушевленному»).

Избранная семантическая доминанта естественного языка явилась «формой интуиции» для выражения человеческого категориального опыта, тождественной кантовским формам интуиции – пространству и времени. Пространство и время как формы интуиции, по мнению М.Н. Корнилова, запечатлены в культурных стилях мышления и поведения, несут на себе печать исторического и культурного контекста [17]. «Человеческая культура является формой форм пространства и времени. Поэтому существует столь же много форм пространства и времени, как и культур, поскольку человеческий опыт, смоделированный под влиянием пространственно-временных форм, столь же многообразен, как и культуры» [17, с. 3]. Новая семантическая доминанта естественного языка определила принцип существования во времени современного пространства – принцип упорядочения линейных динамик, или принцип «культуры». При этом под культурой следует понимать свод «правил игры» коллективного существования, систе-

му нормативных технологий по осуществлению социально значимых практик и интеллектуальных действий [18], ориентированных на «человечность».

«Латентная религия» человечности составляет основу прежде всего японской культуры, в рамках которой нингэнсей (человечность) представляет собой первичную реальность, в то время как таким символическим репрезентациям, как законы, слова, разум, отводится вторичная роль. В связи с чем «японская поведенческая логика руководствуется «законом по ту сторону закона», «словом по ту сторону слова», «разумом по ту сторону разума», т.е. не столько текстом, сколько подтекстом. Эти неписанные правила должны соответствовать обстоятельствам человеческой жизни и в то же время требуют интуитивного, невербального взаимопонимания и коммуникации» [19, с. 49].

Характерными чертами японской культуры являются также ориентация на социальные объекты (односторонний детерминизм) и интеракционный релятивизм [20]. Акцентация социальной значимости объектов предполагает ориентацию на деятельность своего социального объекта. Интеракционно-релятивистское поведение требует ситуационной варьируемости, комплексности и соблюдения общего баланса среди всех соответствующих действию факторов, т.е. постоянной арифметизации точек пространства-времени с целью обнаружения топологических структур, тождественных аттракторам. Аттрактор, в концепции Г. Николса и И. Пригожина [21] – это режим, к которому тяготеет система, в нашем случае система любого естественного языка. Г. Хакен [22] считает, что аттрактор выступает в качестве состояния, к которому с течением времени эволюционирует система, при этом он определяется как устойчивый фокус, к которому сходятся все траектории динамики системы. Кроме того, состояние-аттрактор выступает в качестве финальной в конкретной системе отсчета (искомой и достигаемой) фазы эволюции.

Состоянием-аттрактором современных естественных языков оказался принцип упорядочения линейных динамик мышления (сознания) носителей этих языков, или культура, основанная на детерминизме здравого смысла, в иной трактовке – детерминизме повседневной реальности. В контексте подобного типа детерминизма жизнь наряду с другими своими формами обретает форму языковую: языковое существование есть форма человеческого существования. Термин «языковое существование» понимается как

бытие человека, проявляющееся в его действиях, связанных с речевым общением, которые и составляют полноценность человеческой жизни [23, с. 8]. Исходной при этом является идея жизни человека, которая (жизнь) проявляется в том числе и в форме языка. Новое понимание языка, к которому интуитивно подошло человечество через перебор «культур», а соответственно форм организации

пространства и времени, позволяет предположить, что в современной фазе эволюционирования коммуникативного человеческого сообщества в качестве аттрактора, т.е. параметра порядка для системы, находящейся в процессе самоорганизации, может выступать естественный язык. Видимо, с интуитивного ощущения этого и начался лингвистический поворот XX в.

Литература

1. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.
3. Husserl E. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology. Evanston, 1970.
4. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997.
5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.
6. Катц Дж. Философская релевантность языковой теории // Философия языка. М., 2004.
7. Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996.
8. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2002.
9. Мелик-Гайказян И.В. Детерминизм и спонтанность в постнеклассическом понимании эволюции уровней информации // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. М., 2002.
10. Пассмор Дж. Сто лет философии. М., 1998.
11. Вентцель А.Д. Аффинная геометрия и лингвистические задачи // Исследования по речевой информации. Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 2. М., 1968.
12. Хайдеггер М. Время и бытие М., 1993.
13. Блохинцев Д.И. Пространство и время в микромире. М., 1970.
14. Jung C., Pauli W. The Interpretation of Nature and Psyche. N.Y., 1955.
15. Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
16. Рифтин А.П. Основные принципы построения теории стадий в языке. 18191944 // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Л., 1946.
17. Корнилов М.Н. Категории японской культуры: Пространство // Япония: общество и культура. М., 1999.
18. Time and Space in Chinese Culture. Brill, 1995.
19. Культурология. XX век : словарь. СПб., 1997.
20. Корнилов М.Н. О типологии японской культуры (японская культура в теориях «Нихондзин рон» и «Нихон бунка рон») // Япония: культура и общество в эпоху научно-технической революции. М., 1985.
21. Николис Г. Познание сложного / Г. Николис, И. Пригожин. М., 1990.
22. Хакен Г. Информация и самоорганизация. М., 1991.
23. Неверов С.В. Общественно-языковая практика современной Японии. М., 1982.